

Действующие лица и события романа
вымышлены, и сходство их с реальными
лицами и событиями абсолютно случайно.
Автор

Пролог

Набережная была залита ярким солнечным светом, но пока еще не припекало, лето только начиналось. В фонтанчиках плескались розовые, алые, золотистые блики, точно экзотические рыбки.

— Как хорошо! — выдохнул Александр Наполеонов и посмотрел на свою подругу Мирославу Волгину.

Он чувствовал сегодня себя вдвойне счастливым. Во-первых, благодаря солнечному воскресному дню, а во-вторых, потому что воскресенье на самом деле оказалось выходным днем. Сотовый благоразумно молчал, не пытаясь выдержать Шуру из блаженного состояния расслабленного отдыха.

Такое счастье выпадало на долю Наполеонова нечасто, потому как это он для друзей был Шурой, а на работе старшим следователем Александром Романовичем Наполеоновым.

Подруга его занималась частным сыском и была в некотором роде вольной птицей. Однако и у нее дела нередко оттесняли отдых.

— У тебя сейчас, случайно, нет какого-нибудь убийства? — спросила Мирослава задумчиво.

— Тьфу-тьфу! — воскликнул Шура сердито, и с его подтаявшего мороженого на зеленые плитки набережной упала массивная капля. Хорошо, что не на брюки.

— Извини, — улыбнулась Волгина и посмотрела куда-то в сторону.

Шура проследил за ее взглядом — пальма, лавочка, тир...

— Что ты там увидела? — спросил он.

— Обезьяну!

— Какую еще... — Он осекся. На лавочке возле уличного тира сидела огромная обезьяна. Слава богу, игрушечная.

— Я хочу ее! — страстно выдохнула Мирослава и устремилась к тиру.

— Зачем она тебе? — изумился Шура, поспешив за подругой.

— Подарю Морису.

Шура фыркнул.

— Кстати, где он сейчас?

— Откуда же мне знать? — искренне удивилась Мирослава. — Я за ним не слежу.

— Ну..

— Что ну?

— Я думал...

Мирослава одарила друга детства насмешливым взглядом.

Морис Миндаугас был секретарем в агентстве «Мирослава» и ее единственным помощником. И она действительно не интересовалась, где и с кем он проводит свое свободное время.

Подойдя к тиру, Мирослава проигнорировала широкую улыбку зазывалы и отчеканила:

— Я хочу обезьяну.

— О! — Его улыбка стала еще шире. — Конечно-конечно, если ваш молодой человек...

— Нет! — поспешно перебил его Шура.

— Что нет? — Брови парня поплыли вверх.

— У нас кто хочет приз, тот и по мишеням стреляет.

— Так вы хотите сама? — еще больше удивился парень, оборачиваясь к Мирославе.

— Сама, сама, — подтвердил Шура не моргнув глазом.

— Ну... — протянул парень, забрал у Волгиной деньги и вручил ей патроны. Не утерпев, он добавил: — Лучше вам расстаться с мечтой, заполучить этого роскошного зверя, — он кивнул на обезьяну, — еще никто с начала сезона не сбил все необходимые для его получения мишени.

Мирослава не проронила в ответ ни звука, а Шура презрительно фыркнул — еще не вечер.

Надо было видеть изумленное лицо парня, когда молчаливая дева, казалось бы, и не метаясь, сбила одну за другой все мишени, забрала обезьяну и, не оглядываясь, побрела прочь. Шура окинул парня насмешливым взглядом и поспешил вслед за другой.

Вечером слегка обалдевший от невероятно-го подарка Морис Миндаугас почти целую минуту стоял молча, обнявшись с огромной рыжей обезьяной, а потом робко спросил у Мирославы:

— А можно я ее посажу на диван в гостиной?

Волгина пожала плечами:

— Она теперь твоя, делай с ней что хочешь.

И Морис, облегченно вздохнув, пристроил подарок на краешек дивана.

В гостиную вплыл черный пушистый кот, внимательно посмотрел на обезьяну, подошел к дивану, встал на задние лапы, обнюхал ее, чихнул и потерял к ней всякий интерес, принявшись тереться о ноги хозяйки.

Шура, присутствовавший при сцене дарения, изо всех сил старался не расхохотаться. С трудом справившись с распиравшим его смехом, он серьезно спросил:

— Граждане детективы, а мы ужинать сегодня будет или как?

— Будем, будем, — воскликнули они в два голоса.

Глава 1

В саду распустились белые лилии...

Их тонкий аромат плавал в воздухе, опьяняя и околдовывая и без того пьяную от любви Антонину Духанину.

Тоня чувствовала себя самой счастливой из всех невест города. Жених шутил, что имя ей подходит как никому другому. Тоня краснела и опускала глаза, она и сама знала, что буквально тает в его объятиях. Ох, Тоня, Тоня...

Как же ей хотелось как можно скорее выйти замуж и стать Антониной Мерцаловой. Девушка торопила время и таяла, в то время как ее родители и родители жениха готовились к свадьбе. Ни та ни другая семья не хотела упасть лицом в грязь перед родственниками и знакомыми, поэтому денег на приготовления не жалели.

Старшие Духанины и Мерцаловы одобряли выбор своих детей. Все складывалось, по их мнению, как нельзя лучше: единственная дочка владельца сети продуктовых магазинов «Заходи, не пожалеешь», не влюбилась в какого-нибудь голодранца, а выбрала сына колбасного короля. Деньги, как говорится, к деньгам.

У Мерцаловых сын тоже был единственным наследником, и Антонина Ивановна Мерцалова, не доверяющая новым патентованным средствам, рекламируемым по телевизору, выпила немало вальерьянки, ожидая, когда сыночек нагуляется и перестанет бегать за моделями и актрисами. И вот ее материнское терпение вознаграждено. Тонечка — умница, красавица, дочь уважаемых людей. И зовут девушку так же, как будущую свекровь.

Тоня и впрямь была премиленькая, хотя назвать эту круглолицую пышечку красавицей не решился бы, пожалуй, ни один эстет. А впрочем, бог с ними, с эстетами, ничего не понимающими... в колбасных обрезках.

Своей колбасной империей Мерцаловы гордились — еще бы, даже за колбасными обрезками, которые вечером продавались по бросовой цене, выстраивалась очередь.

Если что и беспокоило Антонину Ивановну, так это как бы Толечка не сорвался, не загулял, приударив за очередной юбкой.

— И в кого он у нас уродился такой влюбчивый, — вздыхала Антонина. Сама она всю жизнь хранила верность мужу, да и супруг в хождении налево замечен не был, хотя длинноногих див, строящих ему глазки и готовых на все по одному его слову, хватало. Можно сказать, что они в очередь к Мерцалову-старшему становились.

А Дмитрий Борисович, несмотря на все другие недостатки своего характера, оставался верен своей жене, которая, естественно, не помолодела за прожитые вместе годы.

То, что сын решил жениться на Антонине Духаниной, грело сердце Мерцалову-старшему.

Правда, незадолго до свадьбы молодые все-таки ошарашили родителей, заявив, что решили пожениться вдали от цивилизации. И отправились в глушь искать себе домик для проведения в нем медового месяца. Родители всполошились, но потом решили: перебесятся и заживут, как все нормальные люди.

Единственным условием жениху и невесте было то, что свадьбу гуляют по сценарию старших, а потом пусть катятся на все четыре стороны, все равно родным и знакомым старшие Мерцаловы и Духанины скажут, что детки укатили за границу. На том все и было решено.

Свадьбу, как и было задумано, отгуляли с размахом. Через два дня молодые уехали в свадебное путешествие, а гости продолжали пировать еще неделю.

* * *

— Как здесь хорошо! — воскликнула Тоня, вдыхая полной грудью вкусный деревенский воздух.

Она раскрыла руки и замерла, точно намеревалась обнять весь мир, но опасалась, что не сумеет обхватить его полностью. Анатолий, улыбаясь, смотрел на юную жену. Это была ее идея провести месяц в деревне. Он не возражал — пусть себе поблажит. И потом здесь и впрямь неплохо: чудесный воздух, птички, цветочки.

С юности пресыщенный женщинами, он не был влюблен в нее без памяти, но она нравилась ему. Романтичная, чистая, искренне любящая его. Кажется, в XIX веке таких барышень называли тургеневскими девушками.

— Тоня! А ты бы пошла за мной на край света? — неожиданно спросил он.

— Конечно, пошла бы, — не раздумывая ни секунды, ответила она.

Анатолий довольно улыбнулся. Нет, он, конечно, не женился бы на ней, если бы ее папа не был хозяином торговой сети, а так в перспективе все нажитое Духаниным-старшим перейдет к Антонине, то есть к нему.

«Эта влюбленная дуручка ни за что на свете не станет с ним спорить». — Анатолий так расчувствовался, что подхватил жену на руки и закружил возле старой веранды, обвитой девичьим виноградом.

— Слышишь, кузнечики стрекочут, — проговорила Антонина, обвивая шею мужа белыми нежными руками и прижимая голову к его плечу.

— Слышу, слышу, — отозвался он и понес жену в уютную прохладу дома, пахнущего чисто вымытым деревянным полом, ветками полыни, разброшенной в прихожей, и еще чем-то непонятным закоренелому горожанину.

— погоди, — прошептала Антонина, отбиваясь от нетерпеливых рук мужа, — я сама сниму белье, а то ты все разорвешь.

— Купим другое, — жарко дышал он ей в ухо, и она, опьянев, сдалась на милость победителя, забыв о сохранности дорогих кружев.

— Толь, а вдруг я забеременею? — спросила она некоторое время спустя.

— Так что с того, — отозвался он лениво, — ты теперь мужняя жена.

— Значит, ты хочешь ребеночка? — обрадовалась Тоня.

Он кивнул.

— Правда-правда? — не унималась юная жена.

— Конечно, хочу, нам же нужно наследниками обзаводиться, — проговорил он и снова потянулся к жене. И она с радостью вся раскрылась ему на встречу.

Неделя пролетела незаметно. Тоня была счастлива и радовалась, что никто им не досаждают и они заняты только друг другом.

— Знаешь, — сказала она, обрывая с ветки первую вишню, — мне иногда кажется, что мы с тобой в раю, как когда-то Адам и Ева. Только мы и больше никого.

— Надо поглядеть, — усмехнулся Анатолий, — не притаился ли где-то поблизости змей-искуситель.

— Толя! — воскликнула внезапно побледневшая Тоня. — Нельзя так говорить!

— Глупости, — отозвался он, — иди-ка лучше ко мне.

И она послушно пошла к раскинувшемуся на толстом ковре на лужайке мужу. А оказавшись в его объятиях, тотчас забыла обо всем на свете.

Муж облизал ее губы, испачканные вишневым соком, зажмурился, как кот перед горшком со сметаной, и проговорил:

— Какая ты вкусная сегодня.

— Только сегодня? — улыбнулась она.

— Всегда, всегда, — прошептал мужчина, сторя от нетерпения.

Прошла еще одна счастливая неделя, вернее, пролетела. В окна лился серебряный рассвет, каждый луч был похож на волшебную струну, бери смычок и играй любую мелодию, вострепенувшуюся в сердце.